

RESSENTIMENT ФРИДРИХА НИЦШЕ КАК ЦЕННОСТНОЕ ОСНОВАНИЕ ЭТОСА «ДЕЛОВОГО ЧЕЛОВЕКА»

Е.В. Чуйкова

Актуальность статьи обусловлена всеобщим интересом к этосу предпринимательства, что означает социальный запрос на его осмысление социальной философией. Философы разных эпох изучали данную проблему. Д. Дефо, Б. Франклин изучали нравы предпринимателей своей эпохи. М. Вебер написал «Протестантскую этику и дух капитализма». М. Шелер писал о зависти, серости как свойствах класса мещан. Для К. Маркса тема капитализма во всех его проявлениях была главной темой исследований. Ф. Ницше предложил свой вариант источника социальной динамики деловых людей в их личностной и духовной ориентации — это *ressentiment*.

Цель данной статьи — на основе работ Ф. Ницше изучить понятие *ressentiment* и его социодинамическую силу. Во французском языке данное слово означает «зависть», но это только денотат значения, а коннотации смысла, свойственные оригинальному языку, при переводах мало доступны, слово применяется в разных ситуациях, поэтому философ пытается раскрыть весь комплекс значений данного слова, выстраивая ряд концепций.

Ф. Ницше известен своей провокативностью в философии, и мы вочию видим, как исходя из моральной установки, он, идя путем провокаций и филологических ухищрений, решает настолько же серьезную социально-философскую задачу, какую решал социолог М. Вебер, исходя их архивных и статистических источников. Но оба исследователя исходили из моральной константы состояния

духа человека как организующей силы для социально-экономического прогресса. Понятие *ressentiment* со всеми его коннотативными смыслами — зависти, «завистливой мстительности», «злопамятной мстительности» — было подробно разработано Ф. Ницше в работе «Генеалогия морали» [2], упоминается также в «По ту сторону добра и зла» [5].

Изучая историю данного понятия, Ф. Ницше в «Очерках несвоевременного» пишет, что *ressentiment* у Ж.-Ж. Руссо привело к революции [4, с. 411]. Так Ф. Ницше сразу указывает на агрессивность данного состояния нравственности французских мещан и, соответственно, агрессивных коннотаций понятия. В «Помрачении кумиров» Ф. Ницше в более мягкой форме находит в этосе «деловых англичан» отсутствие моральных устоев, но не мстительность:

Когда человек преследует в жизни какую-нибудь цель, то он бывает не особенно разборчив на средства. Никто так не добивается удачи в деле, как это делают англичане вопреки их всеобщему признанному пуританизму [3, с. 335].

В «Генеалогии морали» Ф. Ницше исследует понятия «хорошего» и «плохого» как основу современной морали. С первых же страниц Ф. Ницше находит, что эти понятия в современной культуре как бы «вывернуты наизнанку» и анализирует источник искажения морали. Для Ф. Ницше первичная «хорошая» мораль — это мораль благородных героев, рыцарей, понятия доблести, действия, силы воли, свободы, щедрости, широты жеста, размаха и превосходства, которое выражается в покровительстве слабым, добродетелях. Однако рядом с доблестными и гордыми героями всегда находились люди с рабской моралью, для которых характерен *ressentiment*, то есть «злопамятная мстительность», «зависть», «жажда мести». И в субъективном, и в социальном контекстах термин включает в себя множество коннотаций, выражающих сочетание трех чувств — злобы, зависти и мести. Таким образом, «Генеалогия морали» посвящена философскому исследованию одного из составляющих этоса среднего класса мещан, мелкой буржуазии — «завистливой мстительности», для которых характерна рабская мораль, недостойность, низменность, выражающаяся в требовании санкций, наказать, отомстить, исходящих из чувства зависти.

Восстание рабов в морали начинается с того, что *ressentiment* становится творческим и порождает ценности: *ressentiment* таких существ, которые на самом деле не способны к настоящей реакции и поэтому вознаграждают себя воображаемой мстительностью. Между тем, благородная

мораль возникает из торжествующего утверждения себя самого, рабская мораль с самого начала говорит «нет» «внешнему», «иному», «не себе», и это «нет» как раз и является ее творческим деянием. Это превращение наизнанку определяющего ценности взгляда — это неизбежное обращение к внешнему и равнение на него, вместо обращения к самому и равнения на себя — именно и характерно для *ressentiment*. Мораль рабов для возникновения своего взгляда всегда нуждается первоначально во враждебном и внешнем мире, она нуждается, говоря физиологически, во внешнем раздражении, чтобы вообще действовать — деятельность ее в основе своей является реакцией [2, с. 24].

Таким образом, во-первых, Ф. Ницше указывает на жажду мести как духовное основание этиоса мелкой буржуазии и торговцев. Она возведена ими в ценность, которая затем порождает подобные ценности. «Завистливая мстительность» становится ценностным ориентиром и совершает ценностный переворот в этиосе крупного по численности, масштабного класса меццан, или мелкой буржуазии. *Ressentiment* затем совершает ценностный переворот морали.

Во-вторых, как мы уже сказали, Ф. Ницше неизбежно, как бы ориентируясь на воспроизведение исторической точности, начинает свое исследование *ressentiment*, выстраивая контрастные качества этиоса «благородных», то есть привилегированного класса — таких, как «пропитанность жизнью и страстью», эстетизм, «счастье», «доброта», «благородство». И противопоставляет их «людям толпы», средним, массе.

В-третьих, Ф. Ницше указывает на очень существенную особенность «жажды мести» как социально обусловленной ценности — ее реактивность, то есть не самодостаточность, вторичность, не действие, а ответное действие, реакцию на что-либо и, значит, связанность. Связанность, обусловленность — это приметы рабства с любой точки зрения (исторической, социальной, психологической и т. д.). *Ressentiment* — это вторичное чувство по своей природе, чувство людей не самодостаточных.

В оппозицию «счастья» и «несчастья» классов вводятся коннотации действия. Счастлив тот, кто энергичен и активен, деятелен. Несчастен тот, кто пассивен, пребывает в покое — и такое представление о счастье характеризует несчастного человека, угнетенного.

Они умели также, как люди, в полном смысле, преисполненные сил, следовательно, неизбежно активные люди, не отделять счастье от деятельности; деятельность с необходимостью относят они к понятию счастья. [...] Это является полной противоположностью понятию «счастья» на ступенях бессильных, угнетенных, исполненных ядовитыми и враждебными чувствами, у которых понятие «счастья»

выступает в своих существенных чертах, как наркоз, оглушение, покой, тишина, успокоение духа, отдых членов тела, одним словом пассивно [2, с. 25-26].

Реактивные люди по своему существу пассивные, только чувство *ressentiment* способно их побудить к действию. Греческое слово «прагма» (действие) образует название целого философского направления, которое тоже обосновывает этос «делового человека» в современном мире.

Таким образом, на данном этапе мы можем выстроить цепочку этоса «делового человека» по-ницшевски следующим образом: деятельность (активность) — счастье — благородство. Противоположная указанной выше цепочка этоса «человека *ressentiment*» (на данном этапе его развития): пассивность — несчастье (зависть) — низменность (рабство). Подобный переход в ценностное основание класса говорит о том, что Ф. Ницше, в первую очередь, говорит о рабстве духа, о личностной индифферентности и только потом о вытекающей из этого социальной низости. Чувство своего достоинства, личностной гордости не позволит человеку быть расхлябанным, пассивным рабом, несчастным и обижаемым.

Нам представляется таковым итог приемов «выворачивания наизнанку» ценностей философом-провокатором. Как известно, критика немецких бургеров, мещан имела своей целью пробудить их дух и сознание для более насыщенной жизни, заставить действовать, а не погрязать в жалости к себе и зависти к соседу.

Затем Ф. Ницше описывает оппозицию мышления у «благородных» и «деловых» людей:

Между тем как человек благородный живет с доверием и откровенно [...], а также «наивно» — человек *ressentiment* не откровенен, не наивен и не честен, и не прям сам с собой. Душа его косит; ум его любит закоулки, тайные дороги, задние двери, все скрытое нравится ему как его мир, его безопасность, его утеха; он умеет молчать, не забывать, ждать, предварительно унижаться и смиряться. Раса таких людей *ressentiment* неизбежно становится в конце концов умнее [...] она ценит ум как первое условие существования [2, с. 26].

В данном отрывке переданы все аморальные чувства злопамятного мещанства, когда оно требует санкций, наказаний для людей, которым завидует и хочет уничтожить их:

Зато представьте себе «врага» в том виде, как его представляет себе человек *ressentiment* — именно здесь его дело, его творчество: он создал «злого врага», «злого» именно в качестве основного понятия,

исходя из которого, как его отражение и противоположность он выдумывает и «хорошего» — себя самого! [2, с. 27].

Здесь описано «творчество» преступного замысла: создать «образ врага» с целью его уничтожения. Это технология, многократно применяемая в истории. Это процессы над «ведьмами», «врагами народа» на основе корпоративной морали и *ressentiment*. Все это порождения мстительной, злобной фантазии мещан, выплеск накопившегося социального аффекта, который требует жертвоприношения.

Напротив, нужно спросить себя, кто собственно является злым соглашением морали *ressentiment*. Строго говоря это и есть именно «хороший» с точки зрения другой морали, именно благородный [там же].

Ценностные основы в контексте *ressentiment* перевернуты наоборот и врагами являются лучшие люди — те, кто выделяется из массы.

Далее Ф. Ницше в явлении *ressentiment*, как исторически имеющем право на существование, усматривает социодинамику культуры, миссию культурного видоизменения человечества.

Допустив справедливость того, что именно смыслом всякой культуры является воспитать из хищного зверя-«человека» ручное, цивилизованное животное, домашнее, все те инстинкты реакции и *ressentiment*'а, с помощью которых посрамлены и побеждены благородные поколения вместе с их идеалами, пришлось бы рассматривать как орудия культуры. Во всяком случае, это еще не значило бы, что носители их являлись бы в то же время представителями культуры [2, с. 29].

«Орудие культуры» — это тот вид добра, который люди *ressentiment*'а могут приписать себе в оправдание. У Ф. Ницше «люди злопамятства» стали отдельным психологическим типом. Им присуще свое место в истории, потому что их реактивная деятельность оказалась такой же сильной, как первичная активность самодостаточных людей, и такой же масштабной. Правда, в ценностном смысле их реактивный этос несет в себе реальное разрушение и регресс человечества. «Люди злопамятства», по Ф. Ницше, будут введены нами в отдельную категорию завистников в дальнейшей систематизации типов зависти.

Еще одна заслуга провокативной философии Ф. Ницше состоит в том, что он показал, как *ressentiment* может перейти из уровня личности в сплоченную корпоративную моралью группу, а затем в историко-политический проект, стать мотивацией к масштабным преобразованиям, и в итоге это чувство является «теоретической» войной, идеологией, идеологическим проектом, который бьет, поражает цель сильнее оружия.

В этом смысле им представлено сначала христианство, которое своим морализаторством выхолащивало инстинкты жизненной силы и свободного творчества. Затем он представил Реформацию как движение *ressentiment*'а (завистливого злопамятства). Как мы помним, последствия были реальными экономическими: многие люди небогатого сословия смогли брать деньги в кредит и постепенно обогащаться. Ф. Ницше, конечно, назвал движение Реформации «плебейским», но нам в этом нюансе ницшевской характеристики важно то, что таким образом философ справедливо определил еще и «народный» характер *ressentiment*'а в период преобразований Реформации.

К «народному» характеру *ressentiment*'а также относятся французские революции, победившие знать и утвердившие власть мелкой буржуазии. Это *ressentiment* в чистом виде, так как его носителем в данной революционной ситуации является социальный класс с этим *ressentiment*'а. «Народный» характер определяется тем, что здесь *ressentiment* осуществлялся под напором народных инстинктов. Народная масса тоже способна быть носителем чувства *ressentiment*'а, а именно:

Знать семнадцатого и восемнадцатого французского столетий пала под напором народных инстинктов *ressentiment*. [...] перед глазами и совестью человечества выступил сам воплощенный античный идеал в неслыханном великолении [2, с. 39].

Можно систематизировать *ressentiment* в соответствии с его носителями: ценность завистливого разрушения, этос зависти и санкций, чувство вторичности, личность, группа людей, народ с правом большинства, народный инстинкт религиозного характера, основа религии протестантов, класс мелкой буржуазии с правом меньшинства.

Ф. Ницше также пишет о манипуляциях власти с людьми *ressentiment*'а и попытке замыкать это чувство на самих пострадавших, то есть носителях *ressentiment*'а, которые требуют наказания для обидчика. Так начинается хитрость властей с изменением направления вектора *ressentiment* с объектов мести на самих его носителей. И в правосудии, и в религии не только тогда, но и в современном мире наметилась одинаковая ситуация по изменению направления *ressentiment*:

«Я страдаю: должен быть кто-нибудь виноват в моем страдании», — так думает каждая болезненная овца. Но ее пастух, священник-аскет, говорит ей: «Совершенно верно, овца моя! Кто-нибудь да должен быть в этом виноват, но ты сама этот кто-нибудь, виновата в этом исключительно ты сама, единственно ты сама виновата в том, что ты есть!» [...] Это довольно смело, довольно ложно, но этим достигнуто, по

крайней мере, хоть одно, этим, как сказано, изменено направление чувства *Ressentiment* [2, с. 113].

Изменение направления сделало из реактивных людей более активных, хотя это люди с червоточинной-обидой и представлением о жестоким Боге. Это секты крайних протестантов, которые вывели жизненный принцип «сделай себя сам», если к тебе нет жалости и у самого Господа. Сегодня эта позиция вывела формацию «успешных» и «богатых» в историческом итоге «деловых людей». Безжалостность стала цепной реакцией в мировом масштабе бизнеса для всех. В итоге появился новый виток «сильных», «могущественных» и «счастливых», которые равнодушны к малообеспеченным людям.

Люди с червоточинной — это люди с *ressentiment*'ом, но скрывааемым от всех — этот принцип действует в первую очередь в образе жизни закрытых от чужаков сект эмигрантов из Европы в США, где от ближнего сокрыт другой ближний. Нам представляется целесообразным, сопоставляя три взаимопроникших этоса: крайних сект протестантизма, этоса мелкой буржуазии и этоса всякого рода завистников, акцентировать в данном контексте, о каком именно вероучении можно говорить устами Ф. Ницше в вышеприведенной цитате. Исходя из приведенной характеристики мещан и завистников-людей *ressentiment*'а, мы вспоминаем, что среди сект протестантизма было принято равнодушное отношение к ближнему. Ближнего допускалось любить не более себя, а бедняков и грешников вообще запрещалось любить и жалеть, потому что они относились к «отверженному Богом» большинству, о чем «свидетельствует» их низкий уровень жизни. В сектах протестантизма, которые были популярны среди мещан, нельзя было не только любить ближнего своего, но и нельзя было его ставить выше самого себя. Этот принцип всеобщего равенства как никакой другой характеризует мстительных завистников *ressentiment*. Борьба с различными формами «поклонения твари» имела и свое внешнее проявление: у квакеров, например, запрещалось кланяться при встрече и даже вежливо обращаться к людям, а тем более вставать на колени. Как считает М. Вебер, принцип противоборства с авторитетами всегда был свойствен при аскезе [1, с. 245, прим. 179]. Католическая церковь приняла принцип послушания. В протестантизме этого не было, поэтому борьба велась с полным осознанием своей правоты. Борьба велась не только с гражданскими органами управления, если те вступали в противостояние с сектами, но и с собственными проповедниками. Миряне-протестанты постоянно оспаривали право самим определять внешние

правила поведения, накладывать взыскания. Результатом стала своеобразная система демократических стран, которая корнями уходит в протестантскую этику.

«Безличная любовь к ближнему» имела своим скрытым смыслом холодное презрение к нему как к человеку.

Божественная милость, дарованная избранным и потому «святым», требовала не снисходительности к грешнику и готовности помочь ближнему своему в сознании собственной слабости, а ненависти и презрения к нему как к врагу Господню, отмеченному вечным клеймом осуждения [1, с. 156].

Безличная и безликая любовь к ближнему, ко всем, а значит, ни к кому, соединенная с бесконечной уверенностью в себе, создала проблему индивидуализма и одиночества для всего капитализма, выросшего из этики протестантов. Ressentiment, таким образом, оставил своих носителей одинокими и меланхоличными буржуа.

Несомненно и положительное влияние на современников Реформации вероучения и движения протестантизма. Об этом говорил Ф. Ницше, имея в виду свою особенную идею «очищения» любой нации от ее исходного «плебейского» состояния, ее облагораживание всякими средствами.

Между тем религия дает также некоторой части подчиненных руководство и случай подготовиться к будущему господству и повелению, тем, мысленно поднимающимся, более сильным классам и сословиям, в которых благодаря счастливым семейным нравам, сила и желание власти, стремление к самообладанию постоянно возрастает; религия побуждает и искушает их стремиться к высшей духовности, испытывать чувства великого самопреодоления, молчания и уединения. Аскетизм и пуританизм почти необходимые средства воспитания и облагораживания, когда какая-либо раса хочет одолеть влияние своего происхождения из низшего народа и работает для будущего своего господства [5, с. 204].

Ф. Ницше видел в пуританизме и мирском аскетизме систему облагораживания, воспитания для народа как подготовительную для перехода на более высокую ступень «господства» над остальными — как это случилось в реальном мире с капитализмом. Роль пуританизма, кальвинизма и других суровых сект здесь представлена как очищающая от аффектов, в том числе от «завистливой мстительности», которая заставляла мелко мыслить, в рамках своего мещанского круга и сохраняла вектор направления взгляда «снизу вверх» на другой, более высокий класс буржуа. После «очистительных процедур» этики протестантизма, сформировался совсем иной этос и иная система отношений

в социуме, и таким образом возник другой народ, более благородный и другая форма социально-экономических отношений — капитализм. Все эти качества — положительные и отрицательные — сформировали этос и облик «делового человека». В целом это человек целеустремленный, активный, достаточно жесткий, необычайно трудоспособный, добросовестный в рамках формальной законности и эффективный предприниматель.

В современном капитализме проступили жесткие черты духовных ценностей (бесчеловечность по отношению к «отверженному» большинству, нуждающемуся в «оправдании» для своего существования), которые приводятся в действие утилитаризмом и «деловым интересом» в любой точке мира. Например, этим целям служат разные псевдо-идеологические проекты — актуальный проект «глобализации» и «всеобщей демократизации» разных стран, где есть богатые природные и человеческие ресурсы. Итак, согласно приведенным тезисам философии Ф. Ницше, *ressentiment* может стать основой историко-политического проекта, мотивацией к масштабным преобразованиям, и в итоге это чувство стало «теоретической» войной, идеологией, идеологическим проектом зарождения нового типа общества и, соответственно, человека. Также интересно то, что Ф. Ницше, без архивной подготовки М. Вебера, интуитивно уловил суть духовных основ капитализма аналогично веберовской концепции.

Таким образом, на основе концепции Ф. Ницше мы выстраиваем следующую систематизацию *ressentiment*: личность («человек с червоточиной»), класс (мещане), как социальный аффект (поиск жертвы, «врага народа»), социальная группа (предприниматели), религиозная группа (крайние секты протестантизма), экономическое устройство (капитализм).

Литература

- [1] Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — С. 61-272.
- [2] Ницше Ф. Генеалогия морали // Ницше Ф. Собрание сочинений в 2-х томах. — М.: Сирин, 1990. — Т. 2. — С. 3-146.
- [3] Ницше Ф. Помрачение кумиров // Ницше Ф. Собрание сочинений в 2-х томах. — М.: Сирин, 1991. — Т. 1. — С. 331-378.

- [4] *Ницше Ф.* Очерки несвоевременного // *Ницше Ф.* Собрание сочинений в 2-х томах. — М.: Сирин, 1991. — Т. 1. — С. 379-414.
- [5] *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла // *Ницше Ф.* Собрание сочинений в 2-х томах. — М.: Сирин, 1990. — Т. 2. — С. 149-326.

Надійшла до редакції 23 лютого 2014 р.